

ПРИЛОЖЕНІЯ.

*І. Удостовереніе Нѣжинскаго полковаго судьи Крелевецкому сотнику
объ удовлетвореніи заявленныхъ къ нему Рылскими купцами претензій.
1656 г., 25 сентября.*

Року 1656, мѣсяца сентября 25 дня. За висланемъ насъ, Самойла Сухопаренка, судю полку Нѣжинскаго и всего сѣвера, отъ его мил. пана Григорія Гуляницкаго, полковника нѣжинскаго и всего сѣвера, Войска его царскаго величества Запорожскаго, зъ п. Иваномъ Шенявскимъ, на учинение справедливости зъ Миска Василиевича Дулѣ, бившаго сотника, на сей часъ мешкающаго въ Крелевцу, Иванкови Герасимовичу Соримятникову, Мишкови Пояркови, Борисови Степановичови Спаскому и другъ, купцомъ Рилскимъ, о пошарпане коней, грошей, серебра и розныхъ рухлядей и фантъ, чрезъ товариство непослушное сотнѣ помененнаго Миска Дулѣ, въ которой справе висланний отъ ясновельможнаго его милости пана Богдана Хмельницкаго, гетмана Войска его царскаго величества Запорожскаго, Нестеръ Томиленко, впредъ насъ висланний отъ его милости пана полковника съ теми купцами Рилскими до Крелевца захавши, зъ тимъ меновеннымъ Мискомъ Дулею за все товариство угоду приняли, переставши на повтори тысячи золотихъ, предъ нами висланными становуши, признали, ижъ онимъ во всемъ отъ помененнаго Миска Дулѣ за ихъ шкоди досить стало, квитуючи оного вѣчными часи, такъ чрезъ самихъ себе, яко отъ товариства, покровнихъ и отъ потомковъ своихъ даючи досконалую моцъ помененному Мискови Василиевичови Дули на товаристве своемъ по всѣхъ городахъ, где бы въ которомъ городѣ найти мѣлъ, своихъ шкодъ и накладовъ доходить, о чомъ постановление на писме съ подписами рукъ тихъ купцовъ Рилскихъ дано тому Мискови Дулѣ ширей опеваеть, што для льпшого вѣри и твердости менованному Дулѣ на писме съ подписами рукъ нашихъ и при печатехъ даемо. Дѣялося въ Крелевцу, року и дня вишей написаннаго.

Самойло Сухопаренко, судя
полку Нѣжинскаго и всего Сѣвера.

Иванъ Шенявский, писаръ
судейский.

(М. п.).

(М. п.).

(Съ копіи к. XVIII в.).

II. Справа зъ Кереберды о проступствѣ одного чоловѣка Дмитра, жителя Керебердянского, который запомнѣвши боязнъ Божию, а маючи свою жону, зъ друую, челядницею пополнилъ грѣхъ телесный; аже тая справа въ книгу сию слово въ слово есть переписана, которая такъ ся въ собѣ маеть:

Мосці пане полковнику полтавский, нашъ милостивый пане и добродѣю!

Приточилася справа Богу мерская въ той мѣри, ижъ житель нашъ, именемъ Дмитро, невѣсту нанявши на рокъ, яко своей челядници изъ собою по пашню казалъ ехати, въ котрой дорожѣ запомнѣвши боязни Божой и встиду людского, мѣючи жону свою, зъ челядницею въ полю усиловне грѣхъ тѣлесный пополнилъ. Теды тая невѣста, ставши мовила, же тогожъ часу мѣламъ свою зневагу оповѣстити, аже Дмитро мовиль, якъ оповѣстишь, я худобою отбуду, а ты собою отбудешь; що не отпускаючи одъ себе тоей невѣсти, три месеци зъ нею чужоложилъ и такими словы тую невѣсту потѣшалъ: мѣлабъ еси въ собѣ отъ мене зачати, надаривши тебе въ инший городъ отвезу, албо самъ зъ дому отеду. Зачимъ чуючи мы ихъ Богу мерзское дѣло, казалисмо до вязения дати, и того чужоложника переписавши худобу, рейстръ вашой панской милости посилаемъ и о науку вашу милость, нашего милостивого пана и добродѣя, просимъ: що мѣмъ зъ тымъ чужоложникомъ поступити? О науку и повторе вашей милости, нашего милостивого пана и добродѣя, попросивши, въ милостивую ласку вашей панской милости отдаемъ ся. Зъ Кереберды, генъваря 22 дня, 1674 року. Вашей милости, нашему милостивому пану и добродѣви, во всемъ зычливые и слуги найныжшии Стефанъ Дорошевичъ сотникъ, Васко Набюкъ, атаман городовый.

По которой справѣ за проступство помененного Дмитра, жителя Керебердянского, зъ реестру худобы оного присланного отъ пана сотника Керебердянского, то сут до двора полковничого взято за вину: воловъ пять, лошака и ручницу зъ рогомъ; а сотникъ Керебердянский, зо всѣмъ тамошнымъ урядомъ, зъ тогожъ рейстрику помененного проступци, за позволенемъ полковниковимъ, взяли быковъ два, овецъ двадцать и двѣ и жупанъ синий; а остатокъ худобы его, проступци, оставленъ его дѣтемъ. Що для памяти есть записано, року и месеца вышменованого, въ Полтавѣ. (Изъ кн. протоколовъ Полтав. полков. суда, л. 16 об.).

III. Справа зъ Соколки о пополненіи вшитеченства Семеномъ Проциковымъ сыномъ зъ вдовицею изъ же служебкою. Преписана слово въ слово, которая такъ ся въ собѣ маеть:

Року 1683, месеца ноеврія 27 дня.

Предо мною Павломъ Олексенъкомъ, сотникомъ, Василемъ Котляромъ, атаманомъ наказнымъ, Иваномъ Матвѣвичомъ, войтомъ, и притомности врядовъ насъ былъ Василь Юсченъко, Матвѣй Торговицкий, Василь Матвѣвичъ и при многихъ людяхъ учтивыхъ, приповиши предъ насъ сама доброволне Вовдотія Сѣдаковна, вдова, пропоновала рѣчь свою устно и скаржилася въ тые слова: Мои ласкавии панове! мешкаламъ въ Процика Гончаренъка робою въ дому его, жона его взяла ма прясти въ домъ; тедымъ мешкаламъ часъ немалый и робыламъ, до чогомъ се умовила. Аже чого ткнулось, ижъ Процикъ Гончаренъко зъ самою къ Петру святому до Голтви на ярмарокъ поехалъ, а насъ съ Семеномъ и зъ малими дѣтми на господарствѣ покинули. Теды Семень, синъ Проциковъ, зо мною сталсе играть и жартовать, а далѣй мене такъ подвѣлъ и грѣхъ зо мною, яко изъ жоною до приезде старихъ строилъ; и старие приехали, то южъ того не пересталъ; старие ея попятъ и не чуютъ, а онъ ко мнѣ въ ночи придетъ и зо мною, такъ яко изъ жоною блудъ чинячи, мешкаеть, южъ мя за жону такъ полекаеть, я ему до сихъ часъ во всемъ поволна была. Теды старие южъ постерегли и мене отъ себе отогнали, а я южъ и непорожна застаю, же южъ чую, що и дитына отъ Семена зачала южъ и ручками и ножками въ животъ шамотаеть. А онъ мене сироту зъ ума звѣдши, и нѣчимъ одбываетъ. Я тилко Богу и вамъ оповѣщаю, а якъ дитину приведу, Процику въ хату его хочъ окномъ вкину, ижъ синъ его Семень вробылъ. Теды мы, вышъ спецификованный врядъ отъ Вовдѣ доброволное сознание слышачи, безъ всякихъ алтернатій, казалисмо тые слова до снадѣйшое уваги на врадъ записати, що есть и записано, нѣмъ тому слухный доводъ станеть.

За тое чужоложество самъ Процикъ Гончаренъко, визволяючи сына своего Семена, привѣлъ коня и отдалъ до двору полковничого. (Протокол. Полтав. полк. суда, л. 19 об.).

IV. Справа о покрадене Климова Манченъкова коней Куриломъ Педорченкомъ, злодѣемъ явнымъ, не поеднокротне рознижъ часовъ, поданая намъ зъ Бѣликовъ и принятая до книгъ нашихъ мѣскихъ Полтавскихъ, которая такъ ся въ собѣ маеть:

Року 1690, месеца генъвара 11 дня.

При насъ, старшинѣ городской Бѣлицкой, Ивану Сакуну, сотнику, Аньдрью Марченъку атаману городовому, Тимошу Доброненъку войту, Микитѣ Шимъченъку, бурмистру, оказалось злодѣйство на Курила Хве-

дорченка на мешкантшу нашомъ Бѣлицкомъ, ижъ многие наши мешкантъци, жалѣючи на Курила за покрадення коней и пчолъ, и инѣшихъ речей. Лечъ же теперешнего часу Климъ Манѣченъко, Савка Уляничъ и инѣшихъ немало, знаючи его злочинность, а звлаща нечасто мешкающего въ городѣ, имѣюмъ (sic) шкodu въ конехъ. Много въ промолчаню тривали, поки онъ въ Бѣлики явился. Сегожъ настоящего року, генѣвара 3 числа, речений Курило зъ Московскихъ слободъ явился въ Бѣлики, заразъ инѣстикгаторове его Климъ Манѣченъко, Савка Уляничъ и инѣшие изимали его, подшивающего потаємне въ Климихи вдови, и приведши предъ насъ, урядъ, предъложили атестацию на Курила, же онъ власнии конѣ ихъ покравъ, на що мененние инѣстикгаторѣ, отдавши своего злочинѣцу до вязеня, и просили майстрату Полѣтавского о прислания зъ Полѣтавы въ Бѣлики якого особу ведлугъ прислухання ихъ жалобы и мистра Полѣтавского за для проби Курила Педорченка. Якожъ по жаданю мененныхъ наступцовъ, зсланъ былъ отъ майстрату Петѣро Юриевичъ, бурмистръ Полѣтавский. Що мы, урядъ городовий Бѣлицкий засѣвши посполу зъ высланимъ майстратовимъ Петромъ Юевичомъ и инѣшими значными нашими старинними Бѣлицкими людьми, судили его за злочинность его подлугъ роздѣлу 14 въ Статутѣ Литовескомъ опѣвующого, за що мають быти злочинци горломъ карани. Еднакъ за многимъ свѣдѣтельствомъ и переведеннямъ лица злодѣйского на Курилу, казали одного злочинѣцу отдати мистрови до рукъ на трикратную пробу; аже на всѣхъ трохъ квестияхъ признавался до своего злого учинѣку, що его самого была справа до покраденю коней и Романовихъ грошей, пчолъ Филиповихъ Слюсаренѣковихъ и инѣшихъ речей, хѣго на его жалѣковалъ. Въ чомъ мы дослухавшися Курилового признатя, ознаймили старшинѣ майстратовой, аби злочинѣца не билъ удаленъ отъ карности злодѣйской смертельне, якої заслужить, любо жъ Хведорчиха, мати Курилова, много передъ симъ виручала и окуповала его, злого сина, отъ карности злодѣйской, и теперъ, видячи его по заслужъ остатную конѣчину, милость показала надъ сыномъ своимъ и поступовала за него цѣну окупу, жебы не билъ обвѣшенъ. Еднакъ инстикгаторове не барзо настоятъ на его смертельную карность, а особливе ведлугъ прозби Хведорчишиной, дали дефелкацию злочинѣци и припустили на волю уряду мѣского. Зачимъ мы, урядъ городовий, ознаймовали о томъ его милости пану полѣковникови, добродѣеви нашему, якъ будетъ его добродѣйская справовати воля и милость. Увѣдомившись одъ насъ слушне, его милость панъ полѣковникъ о томъ, що мати Курилова ручитьсѣ за сина своего, а людского злочинѣцу, обдарилъ сина еи животомъ и казалъ пустити на покаяние; а за тую поруку, що Хведорчиха поручиласѣ за сына и за его злодѣйское Курилово проступство, взялъ его милость панъ Феодоръ Жученъко, полѣковникъ Полѣтавский, за вину у Хведорчихи млыновие кола на рѣцѣ Ворсклѣ, на висшой греблѣ Бѣлицкой и лѣсъ Куриловъ Хведорченковъ,

на томъ боку Ворсклы стоячий, противъ Крутой стѣнки, въ державу себѣ колимъ (sic) служачий; а его Курилови злочинства въ книги чорние Полтавские и наши Бѣлицкіе въ далшую памѣять казаль записати. Що по его паньскомъ росказаню есть въ Бѣликахъ записано року и дня вишей писаного. (Протоколъ Полтавск. полк. суда, л. 80).

V. Рѣшеніе Борзенскаго сотеннаго уряда по иску о наслѣдствѣ въ движимости.

Декабря шестого дня (1664 г.). Пры бытности уроженого пана Петра Забѣлы, судьи енерального Войска его царского пресвѣтлого величества Запорозкого, на вряде Борзеньскомъ, кгда Татіяна, пасерба Холявчина, доходячи близкостю материзны своее на Марии Холявчине, второй мал-жонце, по змертю матки своее, то есть овецъ осмерга, зъ которыхъ вы-сведчили были, трое овецъ у Андрия Жлуктенька, якобы ее материстие. Андрий теда Жлуктенько слушний доводъ на тое далъ, же его были отчистые овцы; зезнавать на тое Грицко Артюшенько, атаманъ Коно-топский, и много людей. Судъ зобополный варуючи того, абы Татіяна, дѣвка, пасерба Холявчина, въ тыхъ то овцахъ не турбовала, а нѣ ся не увязовала, наказуетъ; на що за потребованьемъ стороны до книгъ есть записано. (Изъ Борзенской ратушной книги).

VI. Постановленіе Борзенскаго сотеннаго уряда по жалобѣ Никифора Даниленка, обывателя Красиловскаго, на Федосія Заику и его сыновей за побои, нанесенные отцу Даниленка.

Року 1676, месеца февраля 20 дня. На вряде нашемъ Борзенскомъ, предъ нами Стефаномъ Петровичемъ Забѣлою, судею войска его царского пресвѣтлаго величества Запорозского на тотъ часъ будучимъ, Андрѣемъ Шулгою, атаманомъ городовымъ, Мисѣемъ Даниловичомъ, войтомъ, постано-вившимся Ничипоръ Даниленко, обывателъ Красиловский, привезшы отца своего избитого сродзе, ускажался на Хвеска Заику, втежъ обывателя Красиловского, и на сыновъ его, и съ обтяжливимъ плачемъ въ тотъ способъ, ижъ будучи ми въ корчмѣ на подпитку и заводъ взяли изъ Романомъ Гапоненкомъ, и въ томъ нѣчого намъ не шкодило и не есть виненъ въ тоей справе и въ томъ бою, лечъ припавшы Хвеско Заика изъ сынами своїми, сталъ отца моего забивать и насъ, же мы боронили отца своего, и такъ избили отца нашего, не знаю чили будетъ живъ, а за обжалованямъ оный Хвеско Заика на день завтрейший изъ Гапонен-комъ поведовой сторонѣ ставшы на отповедъ, ачъ Гапоненко ис себе наипервей выводъ далъ, ижъ въ тымъ бою не есть виненъ, лечъ на Хвеска

той бой перейшолъ. Урядъ выслухавши всеей ихъ контроверсие, изсилаеть за упрошенемъ Ничипоровымъ Даниленковымъ для огледаня оногo побою и ранъ, заданыхъ на Даниле, пана Лаврена, хоружого, Якова Красиловского, Хвиля и Ивана Хвиленка, абы оное побите узнали. Которие бивши тамъ и видѣвши на Даниле оной бой и рази (?) барзо избитие, предъ нами, вышей реченнымъ урядомъ, зезнавали въ тие слова мовячи: ижесмо видѣли на Даниле старомъ рази (?) барзо битие сродзе на грудяхъ, подъ пицками синые, а на тыхъ разяхъ ажъ и шкура посбиваная, и тое собѣ избыта менилъ предъ насъ отъ Хвеска Заики и отъ синовъ его все, а Гапоненка визволялъ, же въ томъ не есть виненъ. Урядъ вислухавши поводовое стороны жалоби, яко и оглядяня ранъ презъ тыхъ людей, оную справу для памяти лепшой и певности велѣтъ до книгъ мескихъ записать. Тутъ же при записаню оной справы Яковъ Красиловский на Ничипора Даниленка домовлялъ: Оглядайтесь, мовит, и ви назад, бо и ви не зусѣмъ добре zostаете; Ничипоръ комень намъ заложивши домовлялся и о тое святое справедливости, мовячи: якие ми люди злие, а кгда по дойшлой справе межи обома сторонами, Даниломъ и Хвескомъ Заикою псѣ синами и прощение обе всемъ взяли вечистое, жадали в сего уряду, аби жаднихъ пометъ и упоминокъ въ тоей справѣ межи оными не походило; а кгда бы которая сторона мѣла вицати, тоди вини заплатит таковой: на судъ енералный золотихъ сто, а на Борзенский урядъ золотихъ пятьдесятъ и караня [срокого не уйдет. А сюю справу, яко ся точила, урядъ велѣтъ для памяти лепшой въ книги записать, що есть и записано. (Борзенская ратушная книга).

VII. Дѣло объ убійствѣ „наймички“ ея хозяйкою Пелагеей Плющенковою.

а) Постановление сотеннаго уряда.

Року тисеча шестсотъ осмѣдесять девятого, месеца мая двадцат девятого дня. На вряде нашомъ Борзенскомъ, передъ нами Петромъ Макаровичомъ, атаманомъ городовымъ, Кириломъ Марковичомъ, войтомъ, и при бытности пана Ивана Сухини, высланого зъ Батурина, и значного товариства Семена Заборки, Андрея Петровича Саломахи, Ивана Павловича Круглика, Мойсѣя Денисовича, Савы Даниловича, бурмистра, и многихъ мещанъ Борзенскихъ при томъ будучихъ, ижъ постановившися Тишѣко Батюта, житель Миколаевѣвский, съ притомною малжонкою своею, утемежливе и жалосне, зъ немалимъ жалемъ оповѣдали, ускаржаючи на Пелагию Грициху Плющенкову жону, дочьку Нестора Короповѣского, жителку нашу Борзенѣвскую, же власную дочьку Тишѣкову Батютину, найма Екатерину, девицу, въ небытности самого господара, подписю будучи, служащую наймичьку свою, чи зъ умыслу, чили зъ

трафунку, о томъ Богъ всемогущий знаетъ, невѣдомо за якую причину, а зъ належного своего жонского поступьку, чого бы ей не годило чинити, порвавъшися до ручьницѣ, любо не зналася, же была заправлена, Екатерину наймичку свою, а дочьку власную жалосного отца Тишъкову, на смерть зъ ручницѣ застрѣлила. О томъ, якъ за обжалованемъ жалоснимъ инквизиція свѣдѣчачи продуковала и на врьде нашоу припозваная Пелагия Грициха Нестуровъна за пытанемъ, мусила признавати забойство, про що бысть таковий злий учинокъ учинила, зъ якого ранкору, або за який виступокъ смѣла на смерть забити девицу наймичку свою? То призналася добровольне, тилко, мовить, было причины за одну фанту кармазиновую старую, що удерто шмать полы; питаламъ, если то ти учинила шкodu, — тилкожъ она, небожчица Екатерина, мовила, же я того не привинна, не знаю и не видаю, бо тое еще при самомъ господарови, якъ до войска нейшолъ, учинилося ударте. И за тую причину хотѣламъ пострашити, поставиламъ ей на той фантѣ, узавъши ручьницу съ колка, а правдѣ не знаючи, ижъ была заправлена, якъ звела куроу, безъ подписьки опустился, не вѣдати зъ чого спалило на пановьцѣ, и застрѣлила небожчицу на смерть. По такомъ признатю то, заразы тую забойцу Пелажку Грициху Нестуровъну велѣлимо дать до вязения, а тѣло забитои девицы, що лѣтнього времени нельзя долго держати, урадовъне записавъши, до гробу отпровадити. А що Тишъко Батюта, небожчикъ, Екатерининъ отецъ, не барзо инстикговать, то мы зуполный урядъ засѣлий до високоповажного суду енералного, виписавъши о такомъ зайсте неслиханомъ забойстве сталомъ служахой девицы отъ Грицихи Плющенковой жони, просячи науки покорне, доносимъ знати, и всю справу висвѣдчивъши небожцѣ забитое отца, же не позволилъ Грицихи до гробу при тѣли явне вести, за намовами людскими и прозьбою, склонился до згоды и вже сталася певная и неотмѣнная на вѣки вѣкомъ угода. Судъ поважный енералний, на волѣ ся то стало инъстикгаторекой допустилъ и того, ижъ въ той справе поеднали, не ганилъ и не розривать... (конца нѣтъ).

б) Отвѣтъ генер. суда на представленіе сотеннаго уряда.

Мои ласкавіе приятелѣ, пане атамане и войте Борзенские! Пишете до насъ, даючи знати о томъ зайсте неслиханомъ забойстве, сталомъ служахой девицы отъ Грицихи Плющенковой жони, въ небытности самого господара, подпшое, же небожку застрѣлила, чи зъ умислу, чили зъ трафунку, о томъ Богъ Всемогущий знаетъ, и воздасть комуждо по дѣломъ, яко ширей въ писмѣ ваша милость выражаете. Милость всимъ освѣдчоную небожчици забитое отца, же не позволилъ Грицихи до гробу при тѣлѣ явню вести, и якъ за намовами людскими и прозбою склонился до згоды, и вже сталася певная и неотмѣнная на вѣки вѣкомъ угода

на волѣ то стало инстикгаторской, того южъ и ми судомъ нашимъ въ той справѣ поеднаня не розриваемъ, однакъ гриху и помсти Божое варуючися, безъ карности такого проступѣства мимо законъ Божий, повинность наша судовая пуститъ такъ заразъ тую забойцу не повелѣваетъ, бо если право святое отцевъ, который бы сина своего хотячи и нехотячи забилъ, указуетъ рокъ на шесть недѣль у везеню седѣти, а другой рокъ въ соборѣ церковномъ себе чтирикротъ на празники обличати, а сеей забойци Грициѣ, которая подпилою будучи, знати зъ ухвальства своего надъ служебкою такое окрутное дѣло пополнила, овшемъ треба карности дати. Зачимъ, абысте ей дали до вязеня, то есть до турмы, ежели на долгое сѣдѣня способна, а ежели набить прикра, то въ якую комору крайнюю ее посадѣте, жебы слюта не досаждала; где маєтъ седѣти рокъ и шесть недѣль ведлугъ права, за свой виступокъ, или вину пеняжную ровную зъ нагородю укривжоному нехай намъ суду отдасть, ежели захочетъ фолкги и волности отъ сѣдѣня, кдижъ и вина Божая есть. Тилко маєте, ваша милость, отъ насъ информации въ той справѣ ихъ, жебы такъ, а не иначе было, мѣти хочемъ, яко будучи вамъ всего добра приятель зычливый, ихъ царского пресвѣтлого величества войска Запорозского судя на мѣстцю ясновелможного его мил. пана гетмана зостаю Михайль Вуяховичъ рукою.

в) Увѣдомленіе генеральнаго суда объ освобожденіи Плющенковой отъ заключенія.

Мой ласкавий приятеле пане атамане Борзенський и пане войте тамушній зъ бурмистрами! Пожеважъ Грициха того своего злого учиньку жалуючи, досить тому укривжоному отцеві зеньблое забитое небожчицъ съ того свѣта учинила, сорокоуста за душу ее уеднала, теди судъ нашъ респектомъ и малихъ дѣтей, и прихилившись на прозбу отца Грицишина и дядка, отъ вязеня увольняетъ, съ которого абысте, ваши милости, южъ жадного датку не витягаючи, выпустили и въ домъ до дѣтей пойти и вольно мешкать (памятаючи на грѣхъ тотъ, жеби до покути ся доброволне удала) позволили, притом того пильно хотячи мѣти. И остаю на завѣше, (зъ Батурина мая 28, 1689 року) вашимъ милостемъ всего добра зычливымъ приятелемъ, ихъ царского пресвѣтлого величества Войска Запорозского енералний судя и наказный гетманъ Михайль Вуяховичъ рукою. (Изъ Борзенской ратушної книги).

VIII. Рѣшеніе переяславскаго сотеннаго уряда по спору между ратушными подданными, за наследство.

Року 1717, мѣсяца іануарія дня 7. Предъ нами Іоаномъ Іляшенкомъ, сотникомъ полковимъ Переясловскимъ, также паномъ войтомъ Переясловскимъ, приточилася справа промежку людьми, имено: Левъко Лисенко, житель Малой Каратуль, зъ Савъкою Решетникомъ, жителемъ Комарувскимъ, подданными ратушными, заводъ мѣли промежку собою за лѣсъ небожчика Хвеска Барила, дѣда Левъка Лисенъка, который лѣсъ небожчикъ отказалъ по смерти своей своимъ дѣтямъ, рожонимъ синамъ двомъ, которые еще остались въ маломъ зростѣ (и ?) застають въ Левъка Лисенка. Теди тие (sic) житель Комарувский въ тотъ лѣсъ втручается въ Ширинувъскій. Теди ми разсмотрѣвши, приказали тимъ обомъ сторонамъ того лѣса не пустошить, жеби единъ другого досмотрувалъ до зросту тихъ сиротъ. А ежели би единъ другого засталъ, же будетъ пустошити, то покладемы вини на его милость пана полковника талярей тридцять, а на судъ полковий талярей двадцать. Що для лучшого увѣренія видаемъ тимъ обомъ сторонамъ съ притисненіямъ печати писаніе. Дѣялося року и дня вишписаного. м. п. м. п. (Съ подлинника).

IX. Шесть рѣшеній Полтавскаго полкового суда по разнымъ уголовнымъ дѣламъ. 1683—1700 г. г.

а) Справа Василева Собкова, жителя Супруновского, передъ симъ двома разы ловлено на чужоложствѣ, а теперъ Настя, удова Юрчиха, яку онъ, Собко, тожъ хотѣлъ зквалтовати, выбила зъ своего дому значне.

Року тисеча шестсотъ осмдесятъ третего, мѣсяця септеврія дня сегого. Предъ нами Костею Кублицкимъ, судею полковимъ Полтавскимъ, Андреемъ Нацинскимъ, атаманомъ городовымъ, Тymoшомъ Кгаевскимъ, зосланнымъ на врьдъ от его милости пана полковника Полтавского, и при бытности Мины Павловича, войта, Петра Юревича, бурмистра, и многихъ общихъ зацныхъ персонахъ, ставши Настя Юрчиха, прозиваемая Гноиха, жителька зъ села Супруновки, оповѣдала намъ жалъ свой и ускаржалася на Василя Собка, тогожъ села жителя, мовечи: Панове врьдовые особы, въ середу прошлую, септеврія 5, подиивалисемо зъ иншими жонами зацными, въ егожъ Василевомъ дому Собковымъ, медъ; которого просиламъ, жебы и мнѣ повѣрилъ меду кгарнець. Однакъ реченъный Собко сказавъ мнѣ: же и такъ правѣ много есмъ винна, не повѣру; а потомъ повѣрилъ кгарнець и другой меду, который я зъ людьми зацными подиивала. Аже видячи себе подпилую, пошламъ до госноды своей, отъ тыхъ

людей зацныхъ, и пришедши ку домовце, легламъ спочивати на землю позачинявши дверѣ, албовѣмъ унукъ мой Иванъ тогда былъ на току. Теды помененный Василь Собко, пришовши до моей господы, отворилъ помаленку дверѣ, и пришовши до мене, торкнулъ у плечи и мовилъ: будь правѣ мнѣ поволна, а я южъ и тыхъ чтирохъ шаговъ за медь въ тебе правити не буду. Я зась зъ постели схопившись, почаламъ его биты, первой въ сѣнехъ, а на потомъ и на дворѣ быламъ его истикомъ, що видѣли жоны зацные: теслиха Гладкая и Иваниха Чорненкая. Тутъ же припозванъная предъ насъ теслиха Гладкая, подъ сумленемъ признала, же и я, мовить, видѣла, якъ Настя Гноиха была Собка истикомъ, а Иванъ унукъ оной, бѣгучи съ току, говорилъ Настѣ: за що ты, бабо, бѣеши чоловѣка? Она правѣ сказала, же я его не бю, але даю; и побѣгъ, мовить, Собко южъ не у ворота, але черезъ тынъ и черезъ левады, и не ночоваль въ домовце, лечь въ Семенка, жителя тамошнего, черезъ ночь былъ; до чого и самъ мененный Собко признался, же оттоль и челядника правѣ посылать на довѣдки, що ся дѣбетъ въ старшины. Любожь атаманъ Супруновский и питался реченного Семенка, чи въ него ночоваль Собко, однакъ онъ тайлся; теды асаулци южъ самы найшлы Собка въ Семена оного. Зачымъ мы, вышменованный врядъ, выслухавши повѣсти добровольной и скарги Настиной Юрчишиной, такъ тежъ и свѣдома признанного подъ сумленемъ теслихи Гладкой, а поневажъ и самъ реченный Собко Василь того не тайлся и мовилъ, же била правѣ мене Гноиха у своемъ дому. Теды узнавши его быти виннымъ и до вязеня давши, справу сию отложивши на далний часъ, записати казалисмо. А потымъ достатечне вѣдаючи, же помененный Василь Собко на чужоложствѣ не поеднокротне зловленный, и именно: за пана Прокопа Левенца полковникуючого, реченный Собко на томже чужоложствѣ былъ зловленный, где приплатился пану Левенцеву и врядови мѣскому значне; за пана Леонтия зась Черняка, тожъ полковникуючого, зыманный былъ тотже Собко на богомерзкомъ дѣлѣ зъ быдлиною, именно зъ шкапою; аже и тогда врядови мѣскому платилъ выну належную, а панъ Чернякъ туюжъ шкапу, зъ которою его Собка зловлено, взять за проступство оного. Теперь зась, потрете, помененный Собко досвѣдчонный сутъ въ томже богомерзкомъ дѣлѣ, же хотѣлъ былъ невѣсту, помененную Настю, усиловне згвалтовати и пополнити зъ нею грѣхъ содомский, которая недавшись оному, выбила зъ двора своего при людехъ зацныхъ, значне. Теды за такое проступство и чужоложество въ богомерзкомъ дѣлѣ, помененный Василь Собко, ничего иншого, тылко смертельного заслужилъ карантя конечно. Однакъ мы, 24 септеврия выпустивши Собка зъ вязеня и углядѣвши на его въ подейшлихъ лѣтахъ старость, выну належную панскую отобравши, смертельнымъ горловымъ даровалисмы оного каранемъ. Тылкожь тое варуемъ пилно, же еслибы реченный Василь Собко еще въ томже богомерзкомъ поткнулъ дѣлѣ и зловленный былъ четвертымъ розомъ на чужоложствѣ,

теды безотпустне караня смертелного не уйдетъ конечно. Справу зась сию властью нашою судейскою судилисмо и декретомъ прикривши, до книгъ мѣскихъ Полтавскихъ казалисмо записати, що и есть записано. Дѣялося въ ратушу Полтавскомъ, року, мѣсяца и дня звышменованного. (Кн. проток. Полков. полтав. суда, л. 14).

б) Справа Иванова Божкова зъ Нового Санджарова о пополненнѣ злого учинку въ чужоложствѣ зъ дѣвкой Марєю Луциковною, служебницею.

Року Божія 1684, месеца июня 18 дня. За вѣдомомъ его милости пана Павла Семеновича, полковника Полтавского, предъ насъ Кости Кублицкого, судѣ полку Полтавского, Андрея Нацийьского, атамана городского, Федора Суховѣя, войта, Петра Юревича бурмистра, и при многихъ общихъ зацныхъ персонахъ, постановившихся предъ насъ, Маря Луциковна зъ Нового Санджарова, служебница Иванова Богова, втежъ обывателя Новосанджаровского, скарги свои жалосливе плачливе предложила въ тень способъ: мои ласкавие панове, несподѣванне позбыламъ паненства моего, отъ господара моего Ивана Бога, который мѣючи челядника Яцка, и минѣ велѣлъ за собою иты, задля улевѣ двоухъ; яжъ, по розказаню его, принесла улевѣ два въ пасѣку за Ворсклу; яжъ тые улевѣ два положивши въ катразѣ, въ пасѣцѣ, и пошла была до дому. Онъ господарь мой Иванъ спитать: куди ты идешъ? Ямъ отповидѣла: къ дому иду; на то господарь мой сказавъ: позгоды, обручовѣ первѣй врубаю. А Яцко наймитъ подалъ и рунѣ рубавѣ. Обручовѣ же нарубавши толко, колкобъ могламъ къ дому принести и лыкъ зодравши и звязавшы, тые обручи положилъ долѣ на землю. Заразъ же и мнѣ, бѣдний сиротѣ, усилене кгвалтъ той справивши, паненства мя позбавилъ, и яжъ тые обручи по розказаню его понесла къ дому; и не мѣючи кимъ освѣдчити, по розказаню господарскомъ мусѣламъ терпѣти, а на потомъ и сказаламъ господинѣ моей. Выслухавши скаргъ реченной служебницы Ивановой Боговой, содомчика оного велѣли до везеня дати, отложивъши тую справу на далнѣйшій часъ. Писанъ въ ратушу Полтавскомъ.

Року вышъреченного, месеца июля четвертогонадцят дня. Предъ врьдъ нашъ мѣский Полтавский, особъ вышмененныхъ, ставши ку законъченю тое справи панъ Яковъ Меленценко, сотникъ Новосанджаровский, выразилъ словне: Панове, ткнулася и насъ тая справа Иванова Богова о условный кгвалтъ Мари Луциковнѣ въ лѣсѣ. Посилалемъ Романа Юсченъка, хоружого нашего сотницкого, и при немъ Миска Шемберка, Семена бурмистра и Дацка Слыша, абы слушне, правдиве углядѣли тыхъ мѣстцѣ, гдѣбы ся тень кгвалтъ Мари сталъ; но то посланіе реченнѣ такъ сказали: Вправдѣ то видѣлисмо тое мѣстце, где тень кгвалтъ Мари

сталь, и на якомъ мѣстѣ таяжъ Маря сказала, тамъ была потолока, и гдѣ обрубъ рубаль вершина въ пущѣ и лутины где лыка на липинѣ дралъ. Самая истота въ нецотливыхъ поступкахъ на Ивану Богу слушне ся показала. Выслухавши мы повѣсти реченьного пана сотника и хоружого его, и Дацковой Слышовой, товариствъ Новосанджаровскихъ, а при той справѣ стоячи Иванъ Богъ, просилъ надъ собою змилованья: Панове, змилуйтеся надо мною, южемъ и сповѣди святой выслухалемъ, грѣхъ то мене смертельный споткалъ, мѣючи мнѣ и жону мою, а тогомя грѣху смертельного допустилъ. Выслухавши мы слушныхъ доводовъ и повѣсти Ивановой Боговой, поневажъ то грѣхъ тень смертельный справилъ, панѣнства Мари Луциковнѣ позбавивши, вынайшлисмо декретъ зъ правъ майдебурекихъ, въ порадку обширнѣй написаномъ, о невѣстахъ и о дѣвкахъ, на листѣ третемнадцатъ: «невѣсту, albo дѣвку хтобы згвалтили, теды таковая мѣтъ предъ врьдъ оповѣсти, где бы ся тое стало, еслибъ въ полю albo въ дѣсѣ, тень збродень по сповѣди мѣтъ на горле скаранъ быти зытемъ шию». А поневажъ просилъ насъ Иванъ Богъ надъ собою змилованья, даровавши его смертельною карностью, приказуемъ, абы Мари нагородилъ слушне, за збавене панѣнства ея, зъ нагороженемъ вины панъской и намъ належной врьдовой. Справу сию велѣлисмо въ книги мѣскіе Полтавскіе вписати; що сіе есть вписано року и дня вышменованного. Дѣвчина заплата од Ивана Божка за збавене панѣнства: корова една, якую сама сподобаеть; овецъ пятеро; курта шиптуховая, баранками подшитая; ложникъ и подушка; плахта една; сорочокъ жоночихъ три, намѣтокъ двѣ; чоботы червоніи; поясъ штучковый; хлѣба на его жъ нивахъ сама собѣ нажнетъ; а що рокъ служила, то за тое особливе платити повинъ. (Т. ж., л. 20).

в) Справа прибышовъ розныхъ.

Року 1689, мѣсеца іюля 28 дня. Передъ насъ Леонтия Черняка, на мѣстѣ пана полковника зостаючого, и при бытности Ивана Красноперича, судѣ полкового наказного, Андрея Нащиньского, атамана городского, Анѣдрея Яковлевича, войта, Петра Юревича, Криסקа Іосифовича, бурмистровъ, и при многихъ зацнихъ персонахъ, постановленный предъ насъ Хвеско Буряченко, прибышь, такъ доброволне визналъ: Панове, самую доброволную правду вамъ повѣдаю: Юско Хведченко Хведорковский водилъ насъ въ прибышствѣ презъ усю петровку року теперешнего, и всюдисмо комори розбивали и выкладали, людей обдирали, о которомъ поворотѣ нашомъ знали и всѣ приятели его, що мы чинили; а онъ Юско давний есть злодѣй и всѣ складки наши въ приятелей Юсковихъ знайдовалися: кожухи, жупани и платя бѣлое жоночое, и казанъ, который на Горбанювцѣ вкралисмо; а въ Кулинчихи Милчанской особливе нами

вкрадена курта и кожуховъ чотире, которые вси речи забравъ Юско до сховаия. Овожъ, панове, болшей не питайте; остатнюю вамъ правду повѣдаю, же Юско цѣлий злодѣй, такой же, який и я; по рознихъ мѣсахъ розние шкоды чинилисмо, крали и розбивали, и тое все поховано въ лѣсѣ, въ пасицѣ Мари, тещи его; и онъ Юско говоривъ мнѣ: колибы не трусили подъ улями въ пасѣцѣ тещиной—то понаходятъ много рупесковъ, бо тамъ есмо все поховавъ поподъ улями.

Тутъ же Василь Скучко, прибышъ, повидѣлъ доброволне: я тилко три недѣлѣ ходивъ съ прибышами, зъ Хвескомъ Опоплянскимъ и зъ Грицкомъ блукали; тие и теперъ въ лѣсахъ въ прибышахъ ходять, людей розбиваючи.

Тоеи жъ компанѣи прибыской, розбойникъ Петро Опоплянскій зъ села Заичинецъ Кореуненко доброволне визналъ: я всю Петровку сего лѣта ходилемъ съ прибышами, розбиваючи; многесмо шкоды людямъ строили въ розбой и въ краденіи коморъ. Мы теди видѣчи явнихъ збродневъ розбойниковъ и при лицѣ зостающихъ, болшихъ доводов не потребуи, и не допускаючи злимъ на свѣтѣ жити, такъ ижбы ся тая злость въ городѣ и по селахъ не дѣяла, прихилиячися мы до рады товариской и до суду нашего приналежныхъ особъ, винайшлисмо декретъ зъ роздѣлу чотирнадцатого, артикулу сегого, где обширнѣй опѣваетъ о важности лица, за що злодѣя маемъ карати горломъ; тутъ же стосуючися ведде права майдебурского въ порядку написаномъ обширнѣй о карности злочинцовъ, части четвертой, на листѣ сто двадцят девятомъ: по квестии злодей маеть быти обвѣшонъ.

Квестия. А кгда выданъ былъ на квестію Хвеско Буряченко, прибышъ, за першимъ потягнемемъ, за вторымъ и за третемъ и за приложнемъ распаленого желѣза, волавъ: моя то злость, розбивалемъ людей и комори кралисмо зъ товариствомъ нашимъ; Юско Хведченко вожовавъ насъ и тие речи въ домъ свой ношовавъ и ховавъ въ лѣсѣ, въ пасицѣ своей.

Тожъ и Василь Скучко розбойникъ волавъ: розбивалисмо людей рознихъ и комори дралисмо; слово въ слово и Петро Опоплянскій волавъ, явний злий свой поступокъ визнавалъ. А по квестии велѣлисмо тим розбойникомъ каждому по одной рѣцѣ и по нозѣ втяти, так ижбы тая злость не множила.

Квестия. А кгда южъ виданъ былъ Хвеско въ руки мистру, за першимъ, за вторымъ и за третимъ потягнемемъ, волавъ все едно: Юсипъ Хведченко Хведорковский, едно онъ зъ нами розумѣвалъ крадучи, розбиваючи и тую добычу отъ насъ беручи, ховалъ въ лѣсѣ, въ пасѣцѣ тещиной. Знову пытанный былъ той же зрайца—еслибы вѣдала теща Хведченкова, albo шурина его Харко, тое первѣй волавъ, якобы родичѣ его вѣдали, а теща и шурина его Харко жаднихъ складокъ зъ нами не мѣли, кромъ зятя ихъ, той еденъ зъ нами краль, а тещи и шурина его

не хотимъ дармо каляти, бо они добре люде, а зять ихъ Юско злѣдѣй и едно зъ нами розумѣвъ.

Григоръ Демченъко добровольне мовить: Омелянъ, дядко мой, о злости моей не вѣдавъ и грошей я ему не дававъ десяти копѣ, наветъ и одного осмака не далъ; и дармо на него сказалисмо были безчестие.

Петро Голиченъко, прибышъ, добровольно визнасть: Леско Матяшенко не мѣлъ жадного порозумѣня зъ нами; онъ есть зацний чоловѣкъ, томъ на него дармо наволѣкъ безчестие, а теперь того не знаю, бо въ насъ и ничего не было. За першимъ, за вторимъ и за третимъ потягнемъ и сродзе розпаленного желѣза волавъ. Петро прибышъ: Леско Матяшенко зацний чоловѣкъ, нѣ о чомъ онъ зломъ дѣле не знаетъ; такожь и Дмитро Козубенко зацний чоловѣкъ, нѣтъ въ чомъ зломъ дѣлѣ напсомъ не вѣдаетъ; дармосмо на него безчестие наволокли были, а онъ того нѣчого напшого дѣла не вѣдаетъ.

Петро прибышъ Голиченко и Карпъ Недорослый, прибышъ, волали на Левкового зятя: козаки отгромили въ него ношу, зъ жупаном, зъ поясомъ верблучимъ и чоботы сафяновіе, а о иншихъ мы рупскахъ не вѣдаемъ. А Хвеско Дубиненко, прибышъ, который зъ насѣки Левковой вѣтъ, той во всемъ добре знаетъ; южь на той свѣтъ идемо, самую правду вамъ повѣдаемъ. Ведле того добровольного признатя тихъ неробочихъ прибышовъ, тои своеволи прибыскои не допускаючи ширитися, винайшлисмо декретъ зъ порядку справъ майдебурскихъ, части четвертой, на листу сто двадцять девятомъ, ку концови: «злѣдѣй по квестии масть быти обвѣшонъ». Той же карности и сие реченние зрайци подтеглими zostали. Справу сию в книги мѣские Полтавские (казалисмо) вписати, що и ест вписано року и дня вишъположеного. (Т. ж., л. 70).

г) Справа Василя Кибаленка, пойманого на вшетеченствѣ съ Педорою Пилипихою удовою, жителей Иванчинскихъ, — записана въ книги наши мѣские Полтавские, такъ ся масть.

Року Божого тысяча шестесть девяностъ четвертого, мѣсяца мая двадцет второго дня. Предъ насъ Микиту Михайленка, атамана городского Полтавского, Якима Карповича войта, Грицка Шубенка, бурмистра, и при многихъ значныхъ обшихъ персонахъ, припроважена зъ Иванчинецъ Педора Пилипиха, пойманая на вшетеченствѣ зъ Василем Кибаленкомъ, на которыхъ справу свѣдѣтельства таковыя суть выведены:

Юркова Коломийченкова повѣсть: Панове, Алексѣй Руденко, атаманъ Иванчинский, взявши вѣдомость отъ многихъ людей тамошнихъ о Педорѣ Пилиписѣ, же зъ Василем Кибаленкомъ вшетечне живетъ отъ многихъ часовъ, пришедши до господи моей сказалъ мнѣ и Уласенкови Федору: пойдѣте а поймайте Пилипиху, або вѣмъ теперь, якъ люде повѣдаютъ,

певне застанете на такъ скверномъ вшетеченствѣ обоихъ. Где пошедши смеркомъ, зъ третимъ асаулцемъ, до господи еи, а вчувиши, же такъ есть, ижъ обое въ коморѣ найдуются, Педора засъ и собѣ въ комори будучи, насъ почувши, стала ганити, повѣдаючи: або я яка нещота, же до дому моего ходите, мене перестерѣгати; въ чомъ мы звонтпивши перве, а потомъ вѣдаючи, ижъ и онъ Васил Кибаленко есть зъ нею въ коморѣ, а не опускаючи тоѣ справи, хотѣли сокѣроу двери коморние выстановляти, а же она, Пилипиха, видячи свою бѣду, стала насъ просити, жебы дверей не псовали, и сказала, абы взяли въ хатѣ за мисникомъ отъ млина ключъ и отомкнули (бо замкнено ихъ было знадвора); а такъ мы взявши тотъ ключъ и отомкнувши, зимали и полы обоимъ врѣзали; которыхъ поли теперъ и предъ милостями вашими показуемъ. Тие засъ вшетечники и грошей намъ дали полчварта золотого, безъ шостака, абовѣмъ онихъ приобецалисмо были пустити. А такъ взявши отъ нихъ нагороду, привели заразъ до сѣлского ратушу. Поти моей повѣсти. Страсти Христовы на крестѣ видячи, абы и души своей не образити, правду вамъ подъ сумленемъ повѣдаю, же тое такъ было, а не иначе. Туюжъ сентенцію, албо рачей доводъ, другий свѣдокъ Педоръ Уласенко и Сахно асаулецъ, котриѣ тихъ вшетечниковъ зимали, и поединцемъ на шкрутинѣй, то есть для вивѣдованя предъ судъ били ставлены, слово въ слово подъ сумленемъ тежъ повѣдали. Прето мы, урядъ, подаючи тую справу самого добродѣя нашего его милости пана полковника увазе, велѣлисмо записати. Що есть и записано.

Року вишеположеного, мая 23 дня. За вѣдомомъ его милости пана Павла Семеновича, полковника ихъ царского пресвѣтлого величества войска Запорозкого Полтавского, предъ насъ урядъ помененный Полтавский, для dokonчєня справы постановленнє вшетечники, Василь Кибаленко зъ Педороу Пилипихоу удовою, жители Иванчинские, на вшетеченствѣ зимание и питаны, для чого бы такъ на пана Бога и на карность посполитую не уважаючи, допустилися злого порубетва? Аже оная Пилипиха сказала: а щожъ, панове, грѣхъ мя споткавъ, хотѣламъ оного Василя за мужа поняти и для того ему припустиламся на грѣхъ, зъ котримъ шекгулнемъ тиждень жила; волно вамъ, панове, проступилисмо Богу и карности годнисмо. Теды судъ нинѣшний на таковыхъ вшетечниковъ ясїе маючи доводи, до чого ся и самы оние признали, запобєгаючи симъ декретомъ, абы впредъ таковїе неповєстягненнїѣ были отъ злого повєстягненя, и до спросностей злихъ не удавались, велѣтъ онихъ значною публѣкою, то есть столповимъ обоихъ вязенемъ скарати. И при заплаченю вины належитой панской и врядовой сїю справу до книгъ записавши, скончити року и дня звишфєрованного. (Т. ж., л. 169).

д) Справа ганебная Данилова, Клѣтного зятя, о пополненіи зъ Параскою Жадановною, невѣсткою его, нимже самимъ Даниломъ содомекого грѣха и о прижитіи промежъ собою плоду и о страчене одного ими жъ, якая такъ ся в собѣ маеть.

Року 1699, февраля 17 дня. Предъ насъ Івана Насвѣта, наказного полковника Полтавского, Стефана Фирѣнки, атамана городского, при битности Якова Ивановича, войта, Алексѣя Матвѣевича, бурмистра и при многихъ значныхъ общихъ персонахъ, присланние зъ суду духовного от его мл. отца Луки Семеновича, протопопи Полтавскаго, Данило Клѣтненко, который чужоложне мешкаючи зъ Параскою Жадановною удовицею, невѣсткою своею, якую держалъ пасербъ его въ малженствѣ, плоду набувши згубили и сами на себе тотъ ганебный учинокъ визнали: грихъ нас, мовить, панове споткаль, бо еще отъ свят прошлихъ воскресенскихъ знеспися я зъ Параскою, невѣсткою моею, мешкалисмо по смерти жони моей въ едномъ дому и грѣхъ полнячи, прижилисмо дитя, дѣвчину, и на морозѣ держачи оную, зморозили и въ хижѣ у землю закопали, уходячи публѣки свѣтовой и карности; любожъ я еѣ Параску одъ того и одводилемъ, леч не моглемъ еѣ в томъ погамовати, бо она мнѣ сказала: волимо вже за грѣхъ терпѣти у Бога кари, нежли встидъ межи людьми мѣти; и такъ по ей волѣ и я далшъ и болшъ одъ той згуби не отводилемъ, але и самъ на тоє радиль.

Судъ познавши такой ганебный учинокъ Даниловый и Парацинъ, же предкомъ Господа Бога на себе прогнѣвали, за такую спросность, ижъ въ сродствѣ будучи, допустилися такого грѣха, а що горшая, поневажъ еще и плодъ набувши, оный згубили, вглянувъ въ право посполитое въ Статутъ князства Литовского опиваное, въ роздѣлѣ одинацятomъ, артикулъ шестдесятий, о караніи такихъ невѣсть збитечныхъ, которые би дѣти свои, албо кого иного згубили, где такъ стоить: уставуемъ, ижъ кдѣбы которая белая голова не живучи въ стане малженскомъ, але вшпетечнеся и нерядне справуючи, и такъ плоду набывши, а потомъ для встиду албо боязни каранія, тотъ плодъ сама, албо черезъ кого иного, стратила и о смерть приправовала, а на такомъ учинку била бы сама, албо тотъ хто онее справовати то будетъ, поймана, албо бы то якимъ слушнымъ певнимъ значнымъ и явнымъ доводомъ переведено было, таковие, яко тотъ хто ся то чинити, а плодъ такой губити подвезалъ, яко и тая, которая плодъ свой на страту дала, сами мають горломъ каранія быти. Тому жъ декретови тие двое збитечники и явно грѣшники Данило и Параска, невѣстка его, zostали подлежащими, которые подълугъ права, за свою такую ганебную вину zostали стяти.

Справу сию скончивши, до книгъ нашихъ мѣскихъ Полтавскихъ записати (казалисмо), що есть и записано року, месеця и дня звишписанного. (Т. ж., л. 202 об.).

е) Справа о убийство Гапки шинкарки, лезной, Тимкомъ гап-старомъ Полтавскимъ, якая такъ ся маєть въ себе.

Року Божого тысячного сѣмьсотного, месеца мая девятого дня. Предъ урядомъ нашимъ полковимъ Полтавскимъ, Иваномъ Насвѣтомъ, наказнимъ полковникомъ, Петромъ Буцкимъ, судиею полковимъ, Стефаномъ Фѣрѣнкою, атаманомъ городовимъ, Якимомъ Карпенкомъ, войтомъ, и Алексѣемъ Матвѣнкомъ, бурмистромъ, зиманий на мужобойствѣ убийца Тимко гаптаръ Полтавскій и приведенный на мѣстце судовое до ратуша, которого пытано причины о убийство Гапки шинкарки у Пречисткомъ дворѣ будчое, що Тимко тую причину сказалъ: я, мовить, панове, въ томъ дворѣ пивъ, а она Гапка, безъ даня причины, мене по щокахъ ударила, чого я, пнянимъ будучи, нестерпѣвши вдарилемъ ей тилко всего два рази, которая павши на землю заразы и духа пострадала. Судъ прето еще на достовѣрнѣйшій доводъ той справи, велѣвъ зискати Ганну Иваниху старую, которая такъ сказала: пришовши я зъ мѣста до тои жъ господы, въ дворъ братерскій, не застала въ хатѣ нѣкого, толко самую Гапку; а же поставцѣ на столу стоять порожние и столъ политый, спыталася: чи то въ тебе, Гапко, напиту немагъ? Позбѣрала зъ стола поставцѣ и тое ей сказавши, пошла зъ хати въ другую, и обачила, же горшки въ печѣ зъ стравою поворочано, а пошовши знову въ хату переднюю, нарѣкала на Гапку за тое, же шкода есть, страву поворочано; а глянувши на комънать дверѣ и взявши зъ вокна железное перехриста, хотѣламъ понести его у комнату, ажъ двери комнатные мотузкомъ завязаны; котории я отчинивши увойшла въ комнату и застала его, Тимка, зъ черницею нѣякоюсь зъ Будиского монатира, а вернувшись зъ комнаты, сказала: Гапко, чого онъ, Тимко, туда увойшелъ? а Гапка отказала—не знаю для чого, и коли невидѣласмо. И почала его, Тимка, зъ комнаты гонити. Сама тежъ напередъ вибѣгши, защепнула двери защѣпкою, а Тимко почаль дверми трусити и велить отщепнути; она жъ скоро отщепнула дверѣ, а Тимко вибѣгши почаль ей Гапку быти, виговорючи: сякая така нецното, чому ты на мене наволѣкаешъ безчесте? И такъ тиранско билъ, же ажъ заледво водою оную отлили. Она, Гапка, пришовши къ собѣ, схопившись кинулася до Тимка, а Тимко знову ей затылъ два рази которая впавши на землю вмерла, и такъ одъ Тимковыхъ рукъ небожка свѣта пострадала. По словахъ Тимковыхъ и по свѣдѣтелству Иванихиномъ, велѣлъ судъ Тимка, нѣмъ будетъ небожка Гапка погребена, приковаты при тѣлу небожки, и по погребѣ звичайный его Тимка розказалъ до секвестру даты и справу конечную отложивши до указу пана звѣрхнѣйшаго, записати указалъ въ Полтавѣ, року и дня звишферованого.

Року тогожъ, мая 16 дня. Ми, вишей помянутий особы маестрату нашего мѣского Полтавского, отобравши отъ звѣрхнѣйшаго пана нашего властелина, от его милости пана полковника Полтавского, указъ цетоваты

тую справу о убиство Тимкомъ Гаптаромъ небожки Гапки, подлугъ належитого права; аже и акторская сторона жалосная, роженная сестра небощина домовлялася судового всказання, велѣтъ судъ его Тимка, яко на горячомъ учинку зиманого, мужоубойцу предъ собою поставити, не для виведеня инквѣзиции, лечъ для ферованя декрету и уконченя справи, а (.....) сей праву посполитому въ порядку правъ майдебурскихъ, на листѣ двѣстѣ двадцетъ первомъ, о розмантой смерты рознихъ злочинцовъ вираженому, ижъ таковий мужобойца маєтъ быти стять мечемъ, любожъ и Тимко Гаптаръ такому подлежащымъ годенъ былъ декрету, аже звѣрхности его милости пана полковника суду росказала дороваты его горломъ за усиловнымъ кривавослезнымъ матки его Тимковой и теңци оногожъ зъ жоною его прошеніемъ, а до того, ижъ онъ, Тимко, видячи такъ великое по Бозѣ его мылости пана полковника отцевское надъ собою милосердіе, ижъ не тилко на здоровю не пострадалъ, и на худобѣ ненарушонымъ zostалъ, во вѣчние и неуставаючие роди, зъ жоною своею, поручилъ себе въ доживотноу дому его панскому службу. Толко наказалъ той же судъ подлугъ права въ Статутѣ князства Литовского въ роздѣлѣ дванадцетомъ, артыкулѣ шестомъ, абы онъ, Тимко, кривымъ небожчинымъ, за таковую ихъ кривую невѣсту, которая жила лезно, безъ мужа и не мѣла его, а щинкомъ бавилася, пятьдесятъ золотихъ заплатилъ поголовщины; и за отпаву погребу и за душу сорокоустъ поеднати духовныхъ старался. При заплаченю выни врядовое, справу сию скончивши въ книги наши мѣские Полтавские записать росказалисмо року мѣсяца и дня. (Т. ж., 226 об.).

Х. Рѣшеніе Полтавскаго полковаго суда по спору за захватъ земельного участка.

Року 1683, мѣсяца марта 14 дня. Предъ насъ Андрея Лучченка, обозного полку Полтавского, Тимоша Кгаевского, судѣ наказного, Стецька Петрашенка, атамана наказного, Максима Петровича, войта, Максима Павленка, бурмистра, и при многихъ зацнихъ персонахъ, ставши предъ насъ Яцко Локошчинъ зять скарги свои вкладаѣ на Ивана Красноперича, атамана городского: панове, не допускаетъ мене атаманъ къ моимъ добрамъ кгрунтовъ частки, що мѣю купленимъ способомъ въ Проня, мѣю заводцу и прошу въ томъ skutечной справедливости. Выслухавши мы скаргъ Яцковихъ, на тие скарги казалисмо атаманови отповѣдати. Ставши атаманъ такую отповѣдь далъ: варуй того Боже, я собѣ мѣю мои власние кгрунта веде Яцка, купление въ потомковъ небожчиковыхъ Снѣжковыхъ, якъ есть и въ книгахъ мѣскихъ Полтавскихъ записано, а мой кгрунтъ есть въ собѣ общиркованъ, а въ чужие кгрунта трудно мнѣ втручатися, мѣю жъ заводцу своего и людей стариннихъ, которые добре свѣдомы тыхъ

нашихъ кгрунтовъ, которіе мѣю купленнымъ способомъ отъ полтредцать лѣтъ. Где стоячи Яцко Локошчинъ зять и Иванъ Красноперичъ и Пронь, заводца Яцковъ, мовыль: вправдѣ, панове, продадемъ я Яцкови мой кгрунтъ власній и завуюъ ехмо що онъ Яцко и загородилъ, а чужого лѣса я ему не продавалъ и о копцахъ, теперешного року положенихъ Яцкомъ, добре вѣдаю такимъ способомъ—дрова ехмо въ лѣсѣ бралъ зъ Василемъ Татарчичомъ и зъ Зайкою, а прихавши Яцко къ намъ, мовивъ: отъ я отъ старшихъ прихавъ и страхалъ мене: иди и заводи мене за кгрунтъ далѣй, я тежъ бѣдний вѣлемъ его вправдѣ не по своей волѣ, а онъ Яцко куди хотѣлъ клалъ концѣ, а въ остатку суть же старожитніе люде, которое добре свѣдомы тыхъ нашихъ кгрунтовъ. Тудежъ здавалися такъ Иванъ Красноперичъ, яко тежъ Яцко зять Локошчинъ и Пронь на Грицка Сѣдачка, старинного, казака,—панове, нехъ такъ будетъ, якъ той зацній челоувѣкъ вкажетъ. На жадане обоихъ сторонѣ, высилаемъ зъ уряду нашего товариство Ничипора Жорновенка и при немъ Антона, абы слупіне выпитали Сѣдачка, якъ свѣдомого тыхъ кгрунтовъ здавна. На питане висланныхъ нашихъ Гриць Сѣдачокъ, подъ боязню божею, сказавъ: чогомъ добре свѣдомъ и вамъ по святой правдѣ повѣмъ: погрѣбъ тенъ, который подъ сѣчу Яцковою на семъ боку огорожи Яцковой, то предъ тимъ былъ небожчиковъ Снѣжковъ, въ которомъ я и отъ татаръ крилемся, якъ татаре подбѣгали подъ Полтаву, за панетва, за пана Соколского; ащо Яцко огородилъ, нехъ бы тимъ и пожитковалъ, бо теперь, сего року, свѣжо на чужихъ кгрунтехъ Яцко концѣ положилъ, а предъ тимъ я о Проню и о Яцку и не чувавъ, а Снѣжко небожчикъ, старинный житель Полтавскій, мѣлъ свои здавна занятие кгрунта не пенние, которіе теперь продани Иванови Красноперичу не пенно. Ащо теперь Яцко ново положилъ концѣ, то правѣ не слупіне, бо онъ тую сѣчу купилъ у Проня болшей десяти лѣтъ. Выслухавши мы повѣсти висланныхъ нашихъ а прихилиючися до ради товариской и до суду нашего приналежнихъ особъ, поневажъ Яцко важился кгрунта чужие подъ себе подгортати, яко то явная признака погребъ Снѣжковский и загороди, и кгвалтовне на чужихъ кгрунтехъ десять кощовъ по рубежу положить, а за рубежами два концѣ положилъ, а на одномъ дубку свѣжо зарубавъ, заруки три копы грошей приказуемъ декретомъ нашимъ ведле права посполитого, зъ роздѣлу девятого, артикулу осмогонадцать, въ Статутѣ Литовскомъ, обшириѣ выражено—кто бы кому границу между зопсовалъ, мѣеть Яцко того кгрунту Красноперичови уступити, концѣ роскопати, пѣвошо обернувши и уквивжоной сторонѣ Красноперичу слупіне во всемъ нагородити правные выклады, отъ мала и до велика, на чомъ бы Красноперичъ шкодовалъ, где бы тежъ еще Яцко важился въ чужий кгрунтъ вступати албо тежъ Красноперичъ въ Яцковъ, таковая сторона повинна будетъ вини пану полковникови Полтавскому платити таляровъ двадцать, а на врьдъ мѣскій Полтавскій таляровъ десять. Справу сию

врядовне велѣлимо и въ далншій часъ, вписати, що и есть вписано року и дня вышъположеного. Дѣялося въ Полтавскомъ ратушу. (Изъ книги рѣшеній Полтавск. полков. суда, л. 102).

ХІ. Рѣшеніе гетмана Мазепы по спору Григорія Герцика съ сыновьями Полтавскаго полковника Леонтія Черняка, за водяныя мельницы на р. Ворсклѣ.

Року божого 1700, мѣсяца іюлю 18 дня. По указу висоцеговѣщаномъ ясновелможного его мѣл. пана пана Іоана Мазепы, гетмана войскъ его царского пресвѣтлого величества Запорозкого. Передо мною Василюмъ Велепкимъ, судиею полку Гадыцкого, и при мнѣ будучихъ особъ: пана Ивана Насвѣта, значного войскового товарища, пана Андрея Нащинского, пана Адама Ненаденка, сотниковъ Полтавскихъ, пана Гаврила Рудяшки, хоружого полкового, и при многихъ зацнихъ особахъ.

Взглядомъ правного заводу пана Григорія Павловича зъ п. п. Савою, Филипомъ и Алексѣемъ Черняченками, точающегося о старую греблю въ селѣ Стасовцяхъ, маестности егожъ пана Григоріевои, на рецѣ Ворсклѣ будучую, также и о сагу, на якой, яко бы панъ Чернякъ старій безправне и неналежне построилъ ку пожитковъ своему, а ку шкодѣ старимъ млинамъ, чотирѣ колѣ млива, билъ розискъ. Поводовая сторона панъ Григорій Павловичъ при своей скарзе оповѣдалъ тое: Иванъ (правѣ) Петрашенко и Нечиноръ Крилувченко, козаки Стасовские, повѣдали мнѣ, же маючи въ себе по одному колу млива, на греблѣ нашой теперешной Стасовской, не могли онихъ удержати въ своей области, же панъ Чернякъ зъ заслугъ своихъ, за бувшаго небощика гетмана, принявши власть енералного асаулства, а по асаулствѣ вступивши на урядъ полковництва Полтавского, вомѣнилъ тихъ преречонихъ козаковъ (и мелниковъ) за людей посполитихъ, а выправивши собѣ у бувшаго небощика гетмана унѣверсалъ на заживане зъ ихъ млиновъ части войсковыхъ приходовъ, бѣралъ зъ ихъ двѣ части, а третью имъ козакамъ оставлялъ. Кивачиха, тежъ и Демончиха, по значнихъ и въ войску заслужонихъ мужахъ своихъ будучи задовѣлими, а на той же греблѣ мѣючи въ себе по одному колу млива, еще за бувшаго небощика гетмана и за нынѣшнего щасливого его рейментарской велможности владѣнія, упросили собѣ поважние унѣвирсали на заживане зъ тихъ своихъ каменей войсковое части; еднакъ и мененние вдови не могли того совершенно зъ млиновъ своихъ звиклого приходу заживати, бо панъ Чернякъ и мимо унѣверсали рейментарские бѣравъ собѣ зъ ихъ каменей также, якъ и зъ посполитихъ, по двѣ части приходу, а имъ бѣднимъ кидаль по третей часты. Прето всѣ оние вишеписаніе мелники далѣй такой своей значной кривди отъ

пана Черняка дѣючойся не терпачи и противъ его, яко во всемъ можлиого и во власти крѣпкого, не могучи постояти, тии свои всѣ кола пану родичовѣ моему еще за полковництва его безъ жадного примѣсу попродали и записали.

Повторе онъ же панъ Григорій предложилъ и тое, же панъ Чернякъ собѣ отъ мелниковъ другихъ на тамошней же греблѣ и въ тихъ же клѣткахъ чотири колѣ млива куплю набувши, а иныхъ мелниковъ бынамнѣй не дбаючи и ихъ недокладаючи, зъ другого берега той греблѣ на прорвѣ еще чотири колѣ построилъ и пожитковалъ, а теперъ коли справа мною есть зачата, иже висланный для розиску по указу рейментарскомъ есть назначенъ, теды п. п. Черняки молодии клѣтку одну о двохъ колахъ (дѣтєся тому неделѣ зо двѣ) забрали вимѣраючи, ижъ будто зъ нихъ пожитку нѣкогда не мѣвали, одъ которыхъ старой греблѣ значная и великая перешкода чинилася и теперъ чинится.

Потрете говоривъ панъ Григорій тое, ижъ панъ Чернякъ старий не вѣдати, якимъ правомъ сагу (на которой Миронъ былъ за позволенемъ мелницкимъ построилъ для втекухой воды весняной ступки) набувши, третие чотири колѣ млива на той сазѣ збудовалъ безправне. При такомъ своемъ панъ Григорій предложеню презентовать намъ и свои купчие записи, данние пану родичовѣ его отъ Ивана Петрашенка и Ничипора Кридувченка, на двѣ колѣ, отъ Кивачихи тежъ и Демотчихи вдовъ, тежъ на двѣ колѣ, зъ таковымъ докладомъ писаніе—моглибысмы тихъ своихъ колѣ млива не продавати, при старости нашей вдовинной, еднакъ мусѣлисмо учинить поневоле для того, же отъ млыновъ новыхъ пана Черниковыхъ, на сазѣ построенныхъ, дѣтєся нашимъ млынамъ великая кривда и безправе, для якого нашего безправя отъ пана Черняка намъ дѣючагося, позволяемъ его мыл. пану полковниковѣ правне доходити. Отводная сторона п. п. Черняки, на попарте своей справы, показували продкомъ купчие свои записи на чотирѣ колѣ на той же греблѣ и въ тихъ же клѣткахъ, где и панъ Павелъ Семеновичъ чотири колѣ куплю набувъ; первый отъ Михайла Манойленка, другой отъ Марка Федоренка, третій отъ Хвеска Юрченка, а четвертый отъ Тимоша и Лукяна Хвесенковъ имѣ дание, зъ таковымъ вѣговоромъ: панъ родичъ правѣ нашъ зъ премногое милости монаршое и изъ ласки рейментарское уживалъ части войсковыхъ приходовъ якъ зъ власныхъ своихъ, куплю набутихъ, чотирохъ колѣ, такъ и изъ тихъ чотирохъ же, якие панъ Павелъ Семеновичъ покупилъ, отбираючи у мелниковъ належитие розмѣри ажъ до того времени, поколь въ куплю пану Павлу досталися, еднакъ не двѣ части, якъ панъ Григорій повѣдаеть, собѣ братъ, а мелникамъ будто третюю оставлять, але во всѣхъ бралисмо по половинѣ, а не иначе. А щоя до тихъ чотирохъ колѣ на прорвѣ построенихъ, тое учинити смѣлъ пакъ родичъ нашъ за позволенемъ всѣхъ мелниковъ, а не безправне. Да оны жъ п. п. Черняки покладали свои купчие записи и на

сагу Мироновскую, где ступки бывали; первый записъ отъ Миронихи, на дароване саги родичовъ ихъ зъ ступками о одномъ ставидлу даный; другой, отъ Яцка мѣрочника, продажею полененный ему жъ пану Черняковъ зъ другимъ ставиломъ; на третее засъ и на четвертее ставидла, не маючи купчого запису, меновали заводцу своего Михайла, бувшого полкового асаула дочку, а пасербицу Штепурину, на селѣ Камяницѣ въ области его жъ пана Черняковой мешкающую, и ставили оную на доводъ. Ставишы теды она Михайловна, зъ мужомъ своимъ Иваномъ, сказала подъ сумленемъ: по смерти, мовить, отца моего небожика Михайла, який бивалъ асауломъ полковимъ Полтавскимъ, Степанъ Штепура, второй мужъ матки моей, а мой отчимъ, продалъ свою половину того ставила Яцковъ, мѣрочниковъ Миронихиному, прозиваемому Скрипниковъ, а полставидла осталося при Миронисѣ. Пану Черняковъ тежъ мы нѣчого не продавали, бо тилко тамъ всего было едно ставилце на ступки. А за чимъ оно позволенемъ и на якую вгуду построено, того ми не вѣдаемъ, бо смотихъ часовъ еще не мѣли совершенного взросту. Чого п. п. Черняки, ижъ не довели правдою, тутъ значне обьявилося.

По вѣслууханю теды споровъ отъ сторонъ акторское и отводное и по вычитаню ихъ всѣхъ правныхъ записовъ, велѣлимо стариннимъ и вѣры годнымъ людямъ, якъ Стасовскимъ, такъ и Гавронскимъ, нарочно на тое зискованымъ, станути и въ нынѣшней контроверсеи по самой истиннѣ свѣдѣтельствувати. Зъ которыхъ напродъ, будучи обовязалии сумленемъ и напомнений страхомъ божиимъ, Корнѣй Голубъ, въ лѣтѣхъ южъ подейшлый, учтивый и вѣры годный человекъ, козакъ и житель села Гавронецъ, маестности пана Черняковой, такъ свѣдѣтельствовалъ: памятаю тое (мовить) добре, ижъ еще за небожика Пушкаря, бувшого подковника Полтавского, были при немъ Михайло да Миронъ асаулами полковими, которѣи мѣли въ себе по одному камению млива на греблѣ Стасовской; а видячи мѣстце приличное на сазѣ, отъ греблѣ оподаль будучое, просили, мелниковъ Юрка и Яска, жебы имъ на той сазѣ для втекухой воды весняной ступки построити позволили, котормъ мелники любо и позволили, еднакъ твердили тое шилно, жебы старому млыву, якая зъ того не учинилася перешкода. И когда старая гребля зо всѣми сагами, по обикновению давнему, будеться гатити, то повинна и тая сага, на которой ступки построятся, гачена быти; въ томъ Мирунъ и Михайло, асаули полковни, упевняючи мелниковъ подъ присягою, говорили, же жадная и найменшая въ томъ старимъ млинамъ кривда не окажется. И такъ оны построивши ступки, якъ много ихъ держали, такъ по весняной водѣ кожного лѣта при гаченю греблѣ и тая сага гачена бывала. По смерти засъ Мироновой и Михайловой, жона Михайлова, будучи за другимъ мужемъ Штепурою, продала свою часть оной заставки ступной Яцковъ мѣрошниковъ; Миронова засъ жона, держачи зъ онымъ Яцкомъ тие ступки, а мѣстнемъ тимъ не користуючи, знесли внизъ по той же сазѣ отъ пер-

вого мѣстца оные ступки на добріе нивные гони, albo и болше, лечь также для втекучей воды, а не для удѣльной имъ на тое коло, поневажъ и тихъ временъ оная сага подъ часъ гачена греблѣ бывала завше гачена. Где rozdѣлиши тое ступное коло на двое, построилъ собѣ Яцко мѣрочникъ камень, а Мирониха держала ступки; еднакъ не могучи оныхъ спорядити совершенно, яко овдовѣлая, даровала ихъ Савѣ Черняченковѣ, выдавши за него свою сестричнюю. Потомъ тежъ панъ Леонтий Чернякъ купилъ и отое другое коло въ Яцка мѣрочника, и такъ, мѣючи южъ тии двѣ колѣ преречонии (а для втекучей воды постановление) въ своей области, поставилъ и еще къ тому два камень; а будучи можнимъ паномъ, не допустилъ вже далѣй оной саги гатити попрежнему, о чомъ любо мелники до бувшихъ п. п. полковниковъ зъ жалобою и удавалися, еднакъ противъ можлиого пана нѣчого не вскурали, и еще зъ нимъ пеняючись, яко люде убогие, иншимъ людемъ завиноватилися, для чого мусли ему жъ пану Черняковѣ свои кола попродавши, долги виплачувати. Сии зась чотири колѣ на сей же греблѣ старинной, если за позволенемъ мелницкимъ онъ панъ Чернякъ вновъ построилъ albo нѣтъ, того я не вѣдаю; тылко тое добре знаю, же съ початку, отъ часовъ давнихъ, завше бывало тутъ на греблѣ колъ осмъ, а теперъ стало дванадцеть, а на сазѣ чотири, которихъ всѣхъ шестнадцеть считается.

Тутъ же станувши два свѣдки Семень да Григоръ Потопенки, рожное братья, козаки и жители Стасовские, въ лѣтехъ и въ сѣдинахъ волосовъ южъ дозрѣліе люде, учтивие и вѣри годние, того сумленемъ обовязани, говорили: еще (правѣ) подъ часъ Кумейщины, будучисмо лѣтъ недозрослихъ, зъ отцемъ нашимъ, зайшлисмо до села Стасовець и осѣли мешканемъ, где отъ пяти еще куренювъ большъ нѣкого не было, и отъ того времени, рокъ по року, стало людей прибувати: а на Ворсклѣ еще нѣ мосту, нѣ млыновъ не бувало. Подъ часъ тежъ Берестецкого роstrуху, въ первый разъ на рецѣ Ворсклѣ мостъ былъ построенъ, где теперъ гребля найдуется, Потимъ пришовши два мелники, Остапъ да Юрко, у Пушкара, бувшого полковника Полтавского, просили такого позволения, жебы имъ волно было греблю заняти и млыни построи, ще и одержали тылко зъ такимъ приговоромъ, жебы Стасовчане да Гаврончане своими двома селами оную греблю, если змогутъ, гатили, иншихъ на тое сѣмъ не притягаючи. Итакъ одъ того часу, когда занялася гребля, оные мелники построиши осмъ колъ, заживали ихъ спокойне, не знаючи ни одъ кого жадное перешкоди; и любо тие жъ мелники асауламъ полковимъ двомъ Михайлу да Мирону ступки на втекучей водѣ поставити позволили, еднакъ одъ того млынамъ не дѣялася жадная перешкода, бо влѣтку завше вышше тихъ ступокъ оная сага бывала гачена и воды на тие ступки жадною мѣрою не пускано, кромѣ весняной и осѣнной воды. А кды тии помененнии ступки Миронихою и Яцкомъ мѣрочникомъ внызъ знесены и пану Черняковѣ въ область досталися, тогды болшъ панъ Чернякъ

оной саги не допустилъ гатити, кдыжъ, къ тимъ давнимъ двомя заставкамъ, еще вновь двѣ колѣ на той же сазѣ построилъ. При такой трохѣ свѣдковъ сознано, были и иншие годние люди по единому, подлугъ правного поступку, слуханы, именно: Мартинъ Демченко и Семень Шкрещець, козаки и жители Стасовскіе, зъ Кгавронецъ тежъ, маестности пана Черняковой, также учтивіе и вѣри годніе козаки и жители тамошніе: Климъ, Лисенковъ зять, атаманъ Кгавронскій, Павло Москаленко и иніе въ лѣтехъ южъ подейшіе, котріе также единъ по другому объясняючи, свѣдѣтельство отъ слова до слова зъ первыми свѣдками согласовалися.

Тутъ же еще на доводъ рѣчи велѣлисмо бувшимъ мелникамъ, въ которыхъ панъ Павелъ Семеновичъ и онъ, панъ Леонтій Чернякъ, кола поскуповували, станути, питаючи ихъ, если за ихъ вѣдомомъ и позволенемъ панъ Чернякъ, яко тие вновь двѣ колѣ на сазѣ, такъ и сии чотири колѣ новіе жъ на Вореклѣ построилъ, дармо безъ жадной куплѣ. Теды оніе сказали, подъ сумленемъ, ижъ не тилко пану Черняку тихъ чотирохъ колѣ строити не позволяли, але и боронилисмо, тилко жъ що не наша ровня, не моглисмо зъ нимъ нѣчого вскурати.—А до того Марко Демченко, козакъ и житель Стасовскій, одозвавшися говоривъ тое: мѣючи (мовить) и я камень млива на сей же Стасовскій греблѣ еще за бувшого небощика гетмана, когда былъ панъ Чернякъ енералнимъ асауломъ, терпѣлемъ великіе отъ его кривди въ неслухномъ браню розмѣру, бо онъ двѣ части себѣ беручи, мнѣ третью тилко оставлялъ, за що кды ему говорилисмъ, жебы не ровнялъ мене зъ мужиками и не чинилъ мнѣ утиску, а къ тому сталисмъ быть при упорѣ зъ мелниками двома Хвесками, шуриками своими, жебы онъ, панъ Чернякъ, попрежнему сагъ гатити не зборонявъ, теды онъ за тое мене немилостиво киями такъ билъ, же после того бою толко що живъ осталемся, о чомъ заносилемъ жалобу мою до бувшого небощика гетмана, по которой жалобѣ выданъ былъ отъ звѣрхности гетманской таковый указъ, жебы онъ панъ Чернякъ звичайнимъ способомъ въ насъ приходъ свой бралъ, що о размѣру любо досить и сталося, еднакъ сагъ гатити онъ, панъ Чернякъ, крѣпко возбранивъ и не допустивъ. Повторе, на тотъ же заводъ, по жалобѣ нашої зсиланъ былъ небощикъ Павелъ Животовскій судия енералний, у Полтаву и тутъ въ Стасовцѣ, который уваживши неслухность Чернякову, приказалъ, абы тая сага была попрежнему гачена, а за виступокъ свой, же не допускалъ гатити, каранъ былъ онъ, панъ Чернякъ, арматнимъ седѣнемъ и правніе виклады мусѣлъ намъ ворочати, нащо и декретъ одъ того жъ небощика судии былисмо одержали, лечъ и потомъ онъ, панъ Чернякъ, яко панъ можний, тому декретовѣ чинити не схотѣлъ досить и саги оной попрежнему не допустилъ гатити. Що мы видячи, ижъ не наша ровня и правоватися о томъ намъ, людемъ убогимъ, зъ нимъ трудно, а вода вся зъ Ворекла въ тую сагу потягнулася, же въ сихъ старыхъ млынахъ пожитку барзо учинилося щупло, мусѣлисмо едни ему пану Черняковѣ, а другіе

пану Павлу Семеновичу свои млыни попродади, а за спроданемъ млыновъ, гдесъ и декретъ оный затратился.

По всѣхъ тыхъ вышеописанныхъ свѣдѣтельствахъ людскихъ, хотячи мы и сами, тотъ розискъ чинячие, досконалъ всей шкоды старыхъ млыновъ дознатися, взявши зъ собою чотирохъ челоуѣковъ мелниковъ, добре на водномъ строению знающихъ, именно Кондрата, мелника Гадацкого, Корнѣя Сягайла и Кирика Трояненка, мелниковъ Брусѣвскихъ, Петровского зась мелника Михайла Какадѣя и килкохъ мѣрочниковъ, ездилесмо чолнами вверхъ той саги, одколь она зъ Ворекла выпадаетъ, также и до того мѣстца, где оные давние ступки были построены и до млыновъ пана Черняковыхъ, ныже на той же сазѣ обрѣтающихся, где яко мы сами видѣли и зрозумѣвали такъ далеко барзѣй мелники досконале и совершенно опознали, же давнимъ млинамъ, на Вореклѣ найдуючимся, одъ тихъ новыхъ на сазѣ будущихъ великая кривда и перешкода дѣетсяя, албовѣмъ и еще иныхъ килка сагъ меньшихъ зъ Ворекла вуйшлихъ зъ тою болшою сагою злучившихъ, великую водную учинили потугу, тягнучи на тие чотирѣ колѣ на сазѣ построение и запевна можетъ въ оныхъ сагахъ болшѣ ніжли въ самой Вореклѣ воды найдоватися.

По всѣхъ тыхъ вышеописанныхъ поступкахъ, одозвавшись панъ Иванъ Черняченко говоривъ тое: бодай (мовить) другому такъ сердце лупилося, якъ у родича нашего плечи лупилися тую сагу прочишующи и изъ ней колоде волочачи, хто на насъ теперъ невинне насѣдаетъ.

Всѣ вышеписаніе рѣчи, якъ отправовалися и якое отъ кого признате чинилося, такъ есть и записано, подаючи високому рейментарскому розсудковъ и его мудрой панской увазѣ. Писанъ въ селѣ Стасовцахъ, року и дня вышенамененного. Василий Велецкий, судя полковый Гадацкий, рукою власною.

Въ той же справѣ и поважный рейментарский выданий унѣверсалъ на знесенѣ пречъ новыхъ млыновъ тутъ же уписанъ, который такса въ собѣ маеть:

Его царского пресвѣтлого величества войска Запорозкого гетманъ Іоанъ Мазепа. Всей старшинѣ и чернѣ Войска его царского пресвѣтлого величества Запорожского и кождому, кому колвекъ о томъ вѣдати належитъ, симъ унѣверсаломъ нашимъ ознаймуемъ: поневажъ зъ инквѣзиции паномъ Василиемъ Велецкимъ, судиею полку Гадацкого, п. п. Иваномъ Насвѣтомъ, товаришемъ войсковимъ, Андрѣемъ Нащинскимъ, Адамомъ Ненаденкомъ, сотникомъ Полтавскимъ (sic) и Гавриломъ Рудяшкою, хоружимъ полковимъ, Полтавскимъ же, чиненой, показалося тое, же панъ Леонтий Чернякъ отворилъ былъ саги по томъ боцѣ Ворекла будучи, для построения себѣ на оныхъ млыновъ. Мы теды, якъ по тому слушномъ и достатечномъ узнаню и намъ донесеню, такъ и по особливой нашей ку пану Григорию Павловичу ласкавой прихилности, позволяемъ ему, пану Григорию, тии саги попржему такъ теперъ загатити, яко и впередъ,

укрѣпляти. А мають онии саги гатитися жителми селъ Стасовець Гавронець и Камянки, якии и передъ симъ гачовали. А тутъ же пишно приказуемъ, жебы млини, якие онъ же панъ Чернякъ на греблѣ Стасовской Ворскляной безъ жадного тамошнихъ мельниковъ позволенія, а особливѣ безъ нашего гетманского фундушу, построилъ, пречъ били знесеніи и щобъ непременно на той греблѣ, по давнему, осмъ каменей было, и не болшѣ. Якому тебѣ нашому приказаню, абы онъ, панъ Леонтий Чернякъ, безъ жадной отмови досить учинилъ, подѣ неотпустнимъ войсковимъ каранемъ, и повторе пишно симъ же нашимъ унѣверсаломъ приказуемъ. Данъ въ Батуринѣ. Декаврія 8 року 1700. Звинѣ менованный гетманъ рукою власною. (Изъ книги рѣшеній Полтавск. полк. суда, л. л. 298—304).

XII. Ресстръ кто именно въ какіе полки и повѣты опредѣлены отъ еіо с—ва графа ясновельможного высокоповелит. гетмана унѣверсалами въ земскіе чины, яко то подкоморіе, судъ, подсудки и писарѣ.
1764 г., 7 мая.

Полку Стародубовского. Въ повѣтъ Стародубовскій. Подкоморимъ: бунчук. товар. Михайло Ширай. Судею: бунчук. товар. Петръ Искрицкій. Подсудкомъ: судія полк. Стародубовскій Петръ Малѣшевскій. Писаремъ: Степанъ Чарнолузскій. Въ повѣтъ Погарскій. Подкоморимъ: бунчук. товар. Петръ Миклашевскій. Судею: бунчук. товар. Степанъ Лашкевичъ. Подсудкомъ: асаулъ полков. Стародуб. Павель Лобисевичъ. Писаремъ: войсков. канцеляристъ Иванъ Пѣсоцкій.

Полку Нѣжинского. Въ повѣтъ Нѣжинскій. Подкоморимъ: бунчук. товар. Андрей Жураковскій. Судею: сотникъ Дѣвицкій Лаврентій Селецкій. Подсудкомъ: сотникъ Занковскій Григорій Левицкій. Писаремъ: полковій Нѣжинскій первій канцеляристъ Яковъ Сѣякаревъ. Въ повѣтъ Батуринскій. Подкоморимъ: бунчук. товар. Григорій Долинскій. Судею: бунчук. товар. Иванъ Марковичъ. Подсудкомъ: войсков. товар. Петръ Забѣла. Писаремъ: полковій первій канцеляристъ Филипъ Щигловскій. Въ повѣтъ Глуховскій. Подкоморимъ: бунчук. товар. Василь Кочубей. Судею: бунчук. товар. Сергій Дергунъ. Подсудкомъ: сотникъ Воронѣжскій Андрей Холодовичъ. Писаремъ: войсковій канцеляристъ Никандръ Телесницкій.

Полку Прилуцкого. Въ повѣтъ Прилуцкій. Подкоморимъ: бунчук. товар. Андрей Марковичъ. Судею: асаулъ полков. Прилуцкій Яковъ Величко. Подсудкомъ: войсков. товар. Василь Огроновичъ. Писаремъ: войсков. канцеляристъ Семенъ Каневскій. Въ повѣтъ Иванецкій. Подкоморимъ: бунчук. товар. Григорій Горленко. Судею: сотникъ Иванецкій Федоръ Свѣрскій. Подсудкомъ: сотникъ Красноколядинскій Петро Максимовичъ. Писаремъ: войсков. канцел. Василь Магеровскій.

Полку Лубенского. *Въ повѣтъ Лубенскій.* Подкоморимъ: бунчук. товар. Иванъ Александровичъ. Судею: бунчук. товар. Иванъ Кулябка. Подсудкомъ: асаулъ полков. Федоръ Максимовичъ. Писаремъ: войсков. канцеляристъ Федоръ Булюбашъ. *Въ повѣтъ Роменскій.* Подкоморимъ: обозній полков. Лубенскій Василь Кулябка. Судею: полков. вакансовій судя Афанасій Шкляревичъ. Подсудкомъ: хоружій полковій Лубенскій Стефанъ Лукьяновичъ. Писаремъ: войсков. товар. Григорій Косяровский.

Полку Киевского. *Въ повѣтъ Козелецкій.* Подкоморимъ: обозній полков. Киевскій Александеръ Солонина. Судею: асаулъ полков. Матвѣй Шумъ. Подсудкомъ: войсков. товар. Степанъ Пасенко. Писаремъ: войск. канцеляристъ Парфень Радченко. *Въ повѣтъ Остерскій.* Подкоморимъ: писаръ полков. Киевскій Андрей Миткевичъ. Судею: сотникъ Кобижскій Петръ Симоновскій. Подсудкомъ: войск. товар. Онуфрій Пригара. Писаремъ: войск. канцел. Михайло Луста.

Полку Переяславского. *Въ повѣтъ Переяславскій.* Подкоморимъ: обозній полков. Семень Безбородко. Судею: писаръ полков. Переяслав. Степанъ Карлицкій. Подсудкомъ: восков. товар. Дмитрій Лебедь. Писаремъ: восков. канцеляр. Иванъ Данилевскій. *Въ повѣтъ Золотоносскій.* Подкоморимъ: бунчук. товар. Яковъ Искра. Судею: хоружій полк. Иванъ Андрѣевскій. Подсудкомъ: войсков. товар. Яковъ Рустановичъ. Писаремъ: войсков. канцел. Григорій Кононовичъ.

Полку Миргородского. *Въ повѣтъ Миргородскій.* Подкоморимъ: бунчук. товар. Андрей Остроградскій. Судею: бунчук. товар. Петро Галецкій. Подсудкомъ: судя полков. Миргородскій Петро Галыховскій. Писаремъ: войсков. товар. Матвѣй Косяровский. *Въ повѣтъ Остаповскій.* Подкоморимъ: бунчук. товар. Павелъ Остроградскій. Судею: сотникъ Остаповскій Григорій Базилевскій. Подсудкомъ: хоружій полковій Яковъ Зарудній. Писаромъ: войсков. канц. Андрей Устимовичъ.

Полку Гадяцкого. *Въ повѣтъ Гадяцкій.* Подкоморимъ: бунчук. товар. Владимиръ Велецкій. Судею: обозній полков. Иванъ Родзянко. Подсудкомъ: хоружій полковій Василь Навроцкій. Писаромъ: войсков. канцел. Иванъ Ставѣцкій. *Въ повѣтъ Зенковскій.* Подкоморимъ: бунчук. товар. Василь Пѣратинскій. Судею: судя полков. Гадяцк. Федоръ Война. Подсудкомъ: войсков. товар. Иванъ Ставѣцкій. Писаремъ: войсков. канц. Василь Платановичъ.

А въ Чернѣговскій и въ Полтавскій полки таковы чины еще не опредѣлены. Что жъ принадлежитъ до коморнѣковъ, опредѣленныхъ отъ генеральной канцеляріи, то и объ онихъ при семъ для извѣстія приложенъ особливый реестръ.

Старшій войсковой канцеляристъ Антонъ Жайворонковъ. 1764 году, Мая 7.

Реестръ кто именно и къ какимъ подкоморымъ опредѣлены отъ генеральной войсковой канцеляріи коморникъми.

Къ подкоморому полку Стародубовскаго *повѣту Стародубовскаго* Михайлѣ Шираю, войсков. канцеляристы: Василь Завадовскій и значков. товар. Василь Случановскій.

Къ подкоморому полку Старод. *пов.* Погарскаго, Петру Миклашевскому, войск. товар. Семенъ Лашкевичъ.

Къ подкоморому полку Прилуцк. *повѣту Иваніицкаго*, Григорію Горленку, значк. товар. Михайло Марковичъ и Петро Калѣновскій.

Къ подкоморому полку Кіевск. *повѣту Козелецкаго*, Александрю Солонинѣ, значк. товар. Григорій Лагода и Петро Пасенко.

Къ подкоморому полку Чернѣговск., *повѣту Чернѣговскаго*, Якову Борковскому, значк. товар. Михайло Сенюта и Михайло Каменецкій.

Къ подкоморому полку Лубенскаго *повѣту Роменскаго*, Василю Кулябкѣ, абшитованній хоружій полков. Лубенск. Іосифъ Борисекъ.

Къ подкоморому полку Переясловскаго *повѣту Переясловскаго*, Семену Безбородку, значк. товар. Алексѣй Чернацкій.

Старшій войсков. канцеляристъ Антонъ Жайворонковъ. (Изъ рукописей нашей библіотеки).

XIII. Представленіе Роменскому земскому суду писаря его Савицкаго объ упрощеніи формъ гражданскаго процесса.

Въ судѣ земскій *повѣту Роменскаго*. Представленіе. Каждое входящее въ оной судѣ земскій дѣло вѣрнимъ опитомъ есть, что всѣ трудности, медленности и беспорядки происходятъ отъ излишней переписки. Излишняя переписка первоначально сія: что челобитчики подаютъ въ обидѣхъ своихъ исковіе доношенія и тѣ доношенія присутствующіе разсматривая, дѣлають опредѣленія о дачѣ позвовъ, которые чернѣ и начисто пишуться въ судѣ земскомъ. Сіе упражненіе сколь затруднительно, столь и медлительно, для челобитчиковъ же обидительно. Первое заключается зъ сего, что чѣмъ проходитъ время на разсмотрѣніе таковыхъ доношеній и на исправленіе по оныхъ надлежащаго, тѣмъ можно исправить прямо и существенно до всего обще суда принадлежащее. Послѣднее доказывается тѣмъ, что челобитчики, найпаче бѣдніе простолюдины, нанимають иногда, и за немаліе денги, писать исковыя доношенія, а за позвы особо надлежащую уплатку дѣлають, покупая при томъ на все то и бумагу; такимъ образомъ входятъ въ сугубую волокиту и убытки. Примѣченно по дѣламъ и то, что съ таковыхъ непохвалнихъ обращеній раждаются непорядки такіе, что ябедники, неразумѣющие силы закону и непонимающие прямой точности истцевой жалобы, приступая къ сочиненію исковыхъ

доношеній, пишутъ иногда совсѣмъ противное, почему искатели иногда и въ самихъ правостяхъ лишаются доиску своего, да за таковыми же непорядочными писателями примѣченно и то, что они пишутъ доношения иногда съ излишнимъ пространствомъ, а иногда и съ упущениемъ принадлежащихъ обстоятельствъ, съ чего при производствѣ, не менше же и при разборѣ дѣла великое слѣдуетъ помѣшательство и излишнее времени упущеніе. Излишнее писмо есть и сие, что позывающіеся стороны, являясь на судовіе роки, подаютъ о явкахъ своихъ явочніи доношения, а въ судѣ таковыя доношения вписываются въ реестръ и приобщаются къ дѣламъ. Сей порядокъ сколь для челобитчиковъ тщетный и совсѣмъ безполезный, столь найпаче для канцелярскихъ служителей тяжестный, тщетный и безполезный: для челобитчиковъ посему, что они на сочиненіе таковыхъ доношеній убиточаются и проводятъ лишнее время, а для урядниковъ и служителей канцелярскихъ тяжестенъ посему, что въ разборѣ оныхъ, въ упискѣ въ реестръ, въ переборѣ и въ приписиваніи до дѣла, много времени уходитъ, такъ что по притчинѣ однихъ явockъ до того времени пока реестръ кончится едваль примутъ дѣла свое теченіе. Сіи жѣ доношения почему введены въ судѣ земскомъ совсѣмъ неизвѣстно, ибо чтобъ тому быть на то нѣтъ нигдѣ узаконенія. Всѣ вышедонесенныя трудности и беспорядки могутъ быть уничтоженны, ежели поставить мѣри соотвѣтствующіе прямому разуму Малороссійскихъ законовъ Малоя Россіи данныхъ, права книги Статутъ и височайшими именными грамотами утвержденны (sic); на основаніи коихъ и суда земскіе учрежденны и имѣются повелѣнія, чтобы въ сихъ судахъ все по точности оныхъ правъ происходило, по тѣмъ же правамъ выдача позововъ совсѣмъ къ должности судейской некасателна, ибо съ артикула 54-го, роздѣлу 4-го явствуетъ то, что позовъ до знанія судей доходить тогда, когда обѣ стороны стануть передъ судомъ; выдача же позововъ зависитъ единственно отъ должности писарской, по артикулу бо 18, въ роздѣлѣ 4, точно предписанно: естли кто имѣетъ обиду, то имѣетъ отъ писара земского того повѣту взять позы, можетъ же сторона по тому же артикулу и готовій позовъ къ писару принести, которой долженъ онъ подписать и печать судейскую приложить. И тако исковіе доношения совсѣмъ ненужны для того, что по артикулу 16, роздѣлу 4-го стороны являющіеся на судовіе роки имѣютъ должность вписываться въ реестръ, а съ оного реестру долженъ визывать возной по ряду, кто прежде записался къ справѣ; а кто бы за трократнимъ вызивомъ неотозвался, таковъ сужденъ быть долженъ такъ какъ бы не сталъ. Надъ которое ясное о явкахъ постановленіе нѣтъ надобности быть явочнымъ доношениямъ, яко ни на какомъ законѣ основаннымъ; и по всѣмъ вышепредписаннымъ обстоятельствамъ не сообразовалъ ли судъ земскій выдачу позововъ и по онымъ явкамъ челобитчикамъ предписать на слѣдующемъ порядкѣ: 1) исковихъ доношеній отнинѣ не подавать, но всякъ въ обидѣ своей, объявъ въ чемъ оная состоитъ, можетъ требовать позва у

меня, а я вислушавъ жалобу, долженъ съ принадлежащимъ обстоятельствомъ написать позовъ, или можетъ и сама сторона написать позовъ и принесть къ подпису ко мнѣ, а я должность имѣю оной подписать, не разбирая сили оного, кромѣ наблюдать долженъ форму и титулъ, ибо и по артикуламъ 19, 26 и 44, роздѣлу 4-го, непорочный позовъ въ вынность сторонѣ приписуется. 2) Истецъ получа позовъ и заготовивъ съ оного копию, отдать долженъ возному; а возній зѣ шлахтою и стороною имѣеть несть тотъ позовъ къ отвѣтчику и копию съ подлиннымъ позовомъ освидѣтельствовать, при той же шляхтѣ подлинный отдать отвѣтчику или на имѣнии полагаетъ, написавъ въ немъ срокъ къ явкѣ отъ персональной подачѣ четверонедельній, а отъ заочной шестонедельній, какъ о семъ по артикуламъ 17 и 18, въ роздѣлѣ 4, предписанно. А копию, съ такимъ же написаниемъ сроку, вручаетъ истцу зѣ своею помѣтою, что таковъ позовъ такого года, м-ця и числа, врученъ отвѣтчику или на имѣнии его такимъ то положенъ, а сию копию о вѣрности съ оригиналомъ подысуетъ. Далѣе же поступать въ сознаниі по прежде даннымъ наставленимъ. При отдачѣ же позововъ долженъ возній обомъ сторонамъ напоминать, чтобъ они старались стать въ судѣ со всѣми своими документами, какъ и до сего отъ суда земского публиковано. 3) Явочнихъ доношеній ненадобно, но долженъ истецъ, являсь имѣть при себѣ скрѣпленную вознимъ копию позва и записаться въ реестръ, а когда возній позоветъ съ реестра и обѣ стороны стануть предъ судомъ, то истецъ долженъ, въ силу артикула 54 роздѣлу 4-го, дать объявленную копию позва и по оному позву производить судные рѣчи и далѣй дѣйствовать, какъ и нинѣ въ судѣ земскомъ дѣлается. 4) Какіе случаются споры прежде суда, по онимъ, равно же и по такимъ дѣламъ, которые внѣ судной контроверсіи можно подавать и доношения и просить того, чего кому надобно.

Все вышеписанное подѣ благоразсмотрение суда земского представляю. Писаръ земскій повѣту Роменского Григорій Савицкій. 1768 года, сентября 15 дня. (Съ подлинника).